

противъ христіанскихъ догматовъ, какъ ихъ понимаетъ Церковь; отсюда его произвольная, странная экзегетика; отсюда его удивительное богословствованіе и безцеремонная критика евангельскаго и церковнаго ученія. Расправившись съ христіанскою догматикой, онъ берется за христіанскую этику. Если нѣтъ личнаго безсмертія, то необходимо съ одной стороны покончить съ традиціоннымъ психологическимъ понятіемъ о личности, о личной субстанціальной душѣ,—а съ другой—низвести цѣль нравственной дѣятельности съ заоблачныхъ высотъ личнаго безсмертія на нѣчто вполне реальное—на землю и ограничить эту цѣль предѣлами земнаго существованія. И вотъ создается странная психологія съ ученіемъ о какой-то уничтожающей временной личности, связанной съ матеріей. Разумное и свободное *я*, какъ личность, отсутствуетъ. Но надо же признать какой-нибудь духовный центръ въ человѣкѣ, чтобы не погрязнуть въ грубомъ матеріализмѣ. На помощь является старый пантеизмъ съ всеобщимъ космическимъ разумомъ, живущимъ въ каждомъ человѣкѣ. Создается единственная въ своемъ родѣ по непослѣдовательности и противорѣчіямъ метафизика. Это же понятіе о всеобщемъ безличномъ разумѣ, какъ основѣ всего сущаго, понадобилось и для другой цѣли. Тяготясь сердцемъ къ заповѣди о любви къ ближнему и считая мораль любви вышею моралью, Л. Толстой чувствуетъ все-таки необходимость ея обоснованія. Вѣдь если все кончается землей, то къ чему добродѣтель, всѣ нравственные подвиги? И вотъ заповѣдь о любви, которую человѣкъ, не вѣрующій въ безсмертіе, едва ли приметъ свободно, навязывается насильно, какъ нѣкоторый міровой законъ, съ которымъ нельзя безнаказанно бороться; она пострѣяется повидимому на самомъ широкомъ и прочномъ основаніи—на всеобщей космической основѣ. Это законъ разума, живущаго въ человѣкѣ. Зачѣмъ еще облекать эту истину въ мистическій туманъ христіанской догматики? Во что обратилась христіанская заповѣдь о любви въ «раціональномъ» освѣщеніи Л. Толстого,—мы уже видѣли. Но если нѣтъ человѣческой личности и личнаго безсмертія, то достиженіе нравственнаго идеала нельзя уже полагать въ заоблачномъ мірѣ христіанскихъ мечтаній. Земля должна быть